Глава 9. Призрачная картина (часть 9)

Глаза их встретились. Цзян Ехун почувствовал, как мочки ушей обдало жаром. «Что за наваждение? — пронеслось в голове. — С чего бы мне краснеть перед мужчиной?» Чтобы доказать самому себе, что в его сердце нет и тени порочных помыслов, он перестал отводить взгляд и в упор уставился на Жун Жо.

Тот был пугающе бледен. Кожа казалась почти прозрачной, а от самого юноши исходил тонкий, едва уловимый аромат. Запах не был резким — издалека его и вовсе не учуешь, — но вблизи он окутывал, кружил голову и оставлял долгое, дурманящее послевкусие.

Сердце Цзян Ехуна забилось чаще. И виной тому была не ангельская красота Жун Жо, а его глаза — влажные, огромные, полные немого страдания. В этот миг он походил на крохотного, беззащитного белого кролика.

«Совсем стыд потерял, — обругал себя Ехун, чувствуя, как жар приливает к лицу. — Взрослого мужика в краску вгоняет какой-то юнец. Неслыханно!»

Жун Жо тем временем посильнее запахнул на себе одеяло. Одежду с него стащил Ехун, и теперь юноша сидел совершенно нагой. Он не понимал, зачем Глава павильона вдруг притянул его к себе, почему молчит и смотрит так пристально. Спрашивать он не смел, но холод от непрекращающегося дождя за окном пробирал до костей.

Цзян Ехун, окончательно смутившись, поспешно вскочил и накинул на него одеяло.

— Прости, я…

Слова застряли в горле. Как оправдать столь двусмысленный жест? Если Жун Жо решит, что у него возникли грязные намерения… От этой мысли Ехуну захотелось провалиться сквозь землю или просто сбежать.

Жун Жо не удержался и чихнул, потирая покрасневший кончик носа.

— Я… — начал было он.

Но договорить не успел. Ехун подскочил: к дверям подошёл староста с подносом в руках. Увидев представшую перед ним картину — Жун Жо, поспешно прикрывающего обнажённое плечо, и всклокоченного «ловца Чу», — старик замер. Его улыбка застыла.

Цзян Ехун почувствовал себя так, словно в него ударила молния. Он остолбенел. Староста, впрочем, был человеком почтенных лет и не такое видывал. Несмотря на мимолётное изумление, он быстро взял себя в руки.

— Я заварил имбирный отвар, — произнёс старик ровным голосом. — Господин Чу и юный господин промокли до нитки. Выпейте, пока горячий, чтобы прогнать простуду.

Ехун принял чашки, лихорадочно соображая, как объясниться, но вовремя прикусил язык. Лишние слова лишь подтвердили бы подозрения. Как только старик ушёл, Ехун плотно закрыл дверь.

— На, выпей. Ты, кажется, сильно продрог.

Жун Жо взял чашку, но, едва поднеся её к лицу, резко переменился в цвете.

— Брат Чу, не пейте!

— Что такое? — Ехун уже поднёс край чашки к губам.

— В этом отваре что-то есть, — прошептал Жун Жо, бледнея ещё сильнее.

Ехун принюхался. Действительно, за резким запахом имбиря скрывалась едва заметная, посторонняя нотка. Ярость мгновенно вытеснила смущение. Он с грохотом поставил чашку на стол.

— Подсыпали снотворное? Неужели решили нас усыпить, чтобы обобрать до нитки или вовсе прирезать?

— Вряд ли дело в деньгах, — покачал головой Жун Жо. — В этой деревне творится что-то неладное. Брат Чу, давайте уйдём отсюда на рассвете.

— Испугался?

Жун Жо виновато опустил взгляд.

— Вы считаете меня трусом?

Ехун покачал головой. Сказать по правде, ему и самому было не по себе. В этой новой жизни его мастерство не стояло и рядом с прежним: внутренняя энергия исчезла, осталась лишь грубая сила. Если на них нападёт кто-то вроде того утреннего налётчика, обоим несдобровать.

— Деревня и впрямь странная. Нас всего двое, лишний риск ни к чему.

Жун Жо плотнее закутался в одеяло.

— Брат Чу… не могли бы вы передать мне чистую одежду?

Ехун только сейчас вспомнил, что оставил парня голышом, и, чертыхаясь про себя, поспешно протянул ему вещи. Наряд сына старосты был Жун Жо явно велик, но даже в этом простецком наряде юноша выглядел на удивление изящно. Цзян Ехун хлопнул себя по лбу, отгоняя наваждение, открыл окно и вылил отвар на землю.

— Посмотрим, что они задумали.

Ехун задул лампу и прилёг рядом с Жун Жо. Шум дождя за окном не стихал. Спустя полчаса за дверью раздались осторожные шаги.

— Господин Чу, вы спите? — негромко позвал староста.

Не дождавшись ответа, старик ушёл. Ехун тут же бесшумно вскочил.

— Жди здесь. Я проверю.

Жун Жо послушно кивнул, хотя в его глазах читалась тревога.

Цзян Ехун проследил за старостой до самой мертвецкой. Там его уже ждали люди.

— Как умер Лю Лаоэр? — спросил старик, и от его дневного добродушия не осталось и следа. Голос звучал холодно.

— Не знаем. Похоже, ему перерезали горло одним ударом. Но рана странная, не от меча или ножа.

Староста погладил седую бороду.

— Какое ещё оружие может быть настолько острым?

— Староста, брат мой погиб ни за что! Вы должны отомстить за него! — Мужчина, стоявший на коленях, зашёлся в рыданиях. Ехун присмотрелся: телосложение казалось знакомым. Это был тот самый налётчик, что напал на него в заброшенном поместье.

Старик помог мужчине подняться.

— Успокойся, Лю Чжэн. Лю Лаоэра нашли возле алтаря Лунного Божества. Мы сегодня искали людей совсем рядом с тем местом. Может, это…

Лю Чжэн вытер слёзы.

— Вы про того нежного юнца по фамилии Жун? У моего брата кулаки были покрепче моих, не верю я, что его прирезал этот дохляк. Но, староста, вдруг он нашёл алтарь? А этот ловец, Чу Фэй, сегодня отирал углы в старом поместье на западном склоне. Мы схлестнулись, он силён.

Староста холодно осклабился:

— Поместье десять лет как заброшено, там одни руины. Что он мог там найти?

— Но Гао Ли… он ведь ещё жив.

— Гао Ли безумен и нем уже десять лет, — отрезал старик. — О нём забудь. Меня беспокоит другое: Ли Фугуй, Лу Чан, Мочжу-кэ… все мертвы. Слишком много совпадений. Я осмотрел тело Мочжу-кэ — он истёк кровью из всех семи отверстий.

Лю Чжэн побледнел.

— Семь отверстий? Неужели это…

Староста обжёг его взглядом.

— Не будь идиотом. Поверил в россказни о проклятии?

Лю Чжэн испуганно смолк. Старик отвернулся к окну:

— Жертвоприношение близко, нам не нужны лишние хлопоты. Эти двое должны убраться из деревни. Чу Фэй — не простой человек, у него жетон «Божественного ловца». Если он пропадёт здесь, сюда нагрянут войска. Пусть уходят. Если они ничего не пронюхали — тем лучше. А со смертью Лю Лаоэра разберёмся, когда кончится дождь. Сейчас главное — обряд. Никаких ошибок.

Ехун спрыгнул с крыши. Мокнуть под ливнем, подслушивая чужие тайны, было сомнительным удовольствием. Он успел вернуться в комнату за мгновение до возвращения старосты. Сбросив промокшую одежду, он нырнул в постель. Жун Жо уже успел вытереть его следы у порога и почистить обувь.

— Ловко ты, — шепнул Ехун.

— Староста наверняка придёт проверить, на месте ли мы, — отозвался юноша, забираясь под одеяло.

Случайно Жун Жо задел рукой грудь Ехуна и тут же отпрянул. Тот смутился ещё сильнее: под дождём его вещи вымокли насквозь, пришлось раздеться донага.

— Одежда промокла, — пробормотал Ехун, чувствуя, как горят уши даже в темноте.

— Я понимаю. Не отодвигайтесь так далеко, брат Чу, иначе одеяла на двоих не хватит.

Ехун заметил, что между ними действительно образовалась огромная щель. Холод кусал за плечи, и он невольно придвинулся. Аромат, исходивший от Жун Жо, снова начал туманить рассудок.

— А-Жо, ты чем-то душишься?

Юноша на миг замер.

— От меня слишком сильно пахнет белилами и румянами? — В его голосе прозвучал страх.

— Нет, нет, что ты! Просто… запах приятный, вот я и спросил.

Жун Жо помолчал, и Ехуну показалось, что он коснулся старой раны.

— Если долго живёшь в «весёлых кварталах», запах пудры въедается в кожу навсегда.

— Глупости! — отрезал Ехун. — Никакие это не румяна. Мне просто нравится, как от тебя пахнет, только и всего.

Он похолодел: «Что я несу?! Язык мой — враг мой».

— Брат Чу, вы правда так думаете? — В голосе Жун Жо послышалась робкая радость.

Ехун мысленно махнул рукой: чего уж теперь.

— Правда. Мне незачем тебе лгать.

Жун Жо тихонько рассмеялся, и этот звук в тишине комнаты показался Ехуну прекраснее, чем весенняя капель. Он раздражённо тряхнул головой, прогоняя наваждение. Юноша придвинулся ближе.

— Брат Чу, вы слишком далеко, спина мёрзнет.

Ехун замер. Жун Жо был совсем рядом, его дыхание щекотало кожу. Воздух между ними, казалось, начал плавиться. Он почувствовал, как сердце пускается вскачь. «Точно, в этой деревне какое-то колдовство, — убеждал он себя. — Иначе с чего бы мне так реагировать на мужчину?»

За дверью послышались шаги. Староста постучал.

— Господин Чу, вы спите?

Ехун, не раздумывая, перекинул руку через плечо Жун Жо и притянул его к себе, заключая в объятия. В нос ударил дурманящий аромат, кровь закипела.

Староста приоткрыл дверь. В руках он держал фонарь. Лужа у порога исчезла, в комнате было тихо. У кровати он увидел спящего ловца, крепко прижимающего к себе юношу. Оба казались погружёнными в глубокий сон.

Старик вздохнул и покачал головой.

— Нравы нынче… совсем не те, что прежде, — пробормотал он и тихо вышел.

Как только дверь закрылась, Цзян Ехун выдохнул, но объятий не разжал. Он чувствовал жар, исходящий от тела Жун Жо, и понимал, что попал в ловушку похуже любой засады. Он сам пылал, словно в лихорадке.

http://bllate.org/book/17428/1654556